

ЛУЧШАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

КРИСТИН
ТЕРРИЛЛ

ВСЕ НАШИ ВЧЕРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44
Т35

Cristin Terrill
ALL OUR YESTARDAYS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Fox Literary Agency, Book Crossing Borders, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского Оксаны Степашкиной
Дизайн обложки Владислава Воронина

Террилл, Кристин.

Т35 Все наши вчера: [роман] / Кристин Террилл; пер. с англ. О. Степашкиной. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Лучшая молодежная фантастика).

ISBN 978-5-17-113070-1

Эм заперта в пустой холодной камере. Финн — в камере по соседству. Они останутся там до тех пор, пока не скажут то, что хочет знать их тюремщик. Но есть проблема: то, что он хочет знать, еще не произошло.

А затем Эм находит в своей камере записку, которая содержит несколько простых, но ясных указаний. Девушка должна отправиться в прошлое, чтобы предотвратить трагедию, которая вот-вот случится. Но для этого ей необходимо выследить и убить своего возлюбленного. А самое страшное, что автор записки — она сама...

**УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-113070-1

© 2013 by Christin Terrill
© О. Степашкина, перевод на русский язык,
2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается моей маме.
И моей Марине.*

Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,
К последней букве вписанного срока;
И все «вчера» безумцам освещали
Путь к пыльной смерти.

*Уильям Шекспир, «Макбет»
(перевод М.Лозинского)*

Я смотрела на сливное отверстие посреди цементного пола. Это было первое, что я увидела, оказавшись запертой в камере, и с тех пор почти не отводила от него взгляда.

Сперва я просто упрячилась и так волочила ноги в выданных мне тюремных тапках, что им пришлось тащить меня по коридору за руки. Но увидев этот сток, я закричала. Он все рос и рос, пока не заслонил собою маленькую камеру из шлакоблоков. Я стала пинать державших меня мужчин, пытаюсь вырваться из их железной хватки. При мысли о том, зачем в этой камере сливное отверстие, в голову лезли кошмары.

Никаких выдуманных мною ужасов не случилось — во всяком случае, пока что, — но дыра в полу по-прежнему приковывала к себе мое внимание. Мой взгляд снова и снова возвращался к ней, словно к путеводной звезде. Даже теперь, лёжа на узкой койке у стены, я смотрела на это отверстие, как будто еще чего-то не знала о нем. Пять с половиной дюймов в ширину, тридцать две дырочки и углубление размером с пятицентовую монету в центре.

— Чем занимаешься? — донесся из вентиляционного отверстия негромкий знакомый голос.

— Пеку пирог.

Он рассмеялся, и этот смех заставил меня улыбнуться. Я немного удивилась тому, что мышцы лица еще помнят это движение.

— Опять смотришь на слив?

Я промолчала.

— Эм, пожалуйста, — сказал он. — Ты так просто свихнёшься.

Но у меня на уме было кое-что другое.

Сегодня я собиралась наконец-то раскрыть все тайны этого стока.

Чуть позже я услышала приближающиеся шаги. Тут трудно было судить о времени, ведь нигде не было ни часов, ни окон, ни какого-либо движения, способного рассеять на части бесконечное течение секунд. Всё, по чему я могла ориентироваться, — разговоры с парнем из соседней камеры да нарастание и утоление голода.

От звука топающих по цементу ботинок мой желудок заурчал. Этот звук был словно звонок для собаки Павлова. Наверное, настало время обеда.

Тяжелая металлическая дверь отъехала в сторону настолько, чтобы пропустить Кесслера, стражника с лицом, напоминающим о затушенном, но все еще тлеющем костре. Большинству стражников было наплевать на меня, а вот Кесслер меня действительно ненавидел. Кажется, он негодовал, что его заставили приходить ко мне, приносить еду и чистую смену простой синей одежды, в которую меня тут облачили. Это вызывало у меня улыбку. Если бы он только знал, к чему я была привычна до того, как мой мир рассыпался, словно сгнивший изнутри дом!

Кесслер протянул мне поднос с обедом, и я поспешила выхватить еду у него из рук. Если я оказывалась недо-

статочно проворна, он с грохотом ронял его на пол, и еда разлеталась во все стороны. Необходимость бороться за подачки Кесслера бесила меня, но на этот раз мне не терпелось заполучить свой обед. Нет, не коричневую водянистую еду на подносе, конечно же.

Прилагающийся к ней столовый нож.

Кесслер бросил на меня насмешливый взгляд, и двери камеры снова захлопнулись. Как только он ушел, я схватила с подноса ложку и вилку и принялась их изучать. Ножа не было. Его никогда не бывало. Водянистое мясо не нуждалось в разрезании, а они, возможно, боялись, что я совершу дерзкую попытку побега, воспользовавшись тупой пластиковой утварью и угрожая ею мужчинам с автоматами за стенами моей камеры.

Я поставила поднос рядом и уселась у сливного отверстия, скрестив ноги. Сперва я попробовала пустить в ход вилку, сунув ее в один из шурупов, закрепляющих решетку. Как я и подозревала, она оказалась слишком толстой для паза шурупа, так что я ее отшвырнула. Вилка проехала по бетону и шлепнулась на поднос.

Единственной моей надеждой осталась ложка. Я сунула ее изогнутую часть в тот же паз, и на этот раз получилось! Я затаила дыхание, как будто любое изменение давления в воздухе этого помещения могло все испортить, и надавила на ложку, пытаясь повернуть шуруп. Ложка соскользнула. Я предприняла еще с полдюжины попыток, но все было без толку. Ложка продолжала выскользывать из паза так, что я давила и проворачивала один лишь воздух. Изгиб ложки не вполне совпадал с прямым пазом головки шурупа, и я в бессильной ярости чуть не запустила ложкой в стену.

Но, замахнувшись, остановила руку. Дыши. Думай!

Ручка у ложки слишком толстая для паза, а основание слишком широкое, но... я потрогала грубый бетонный пол камеры. Пол ожег мою ладонь холодом. Да, это может сработать.

Когда Кесслер вернулся за посудой, я поджидала его. Желудок был пуст и болел, но я не прикоснулась к еде. Мне нужен был полный поднос с нетронутой размазней. Кесслер раздвинул створки и, как только щель оказалась достаточно большой, я швырнула в нее поднос.

— Это отвратительно! — выкрикнула я. — Мы не животные!

Кесслер увернулся, и поднос с треском врезался в стену у него за спиной. Он вздрогнул и выругался — коричневые и зеленые брызги заляпали ему лицо и форму. Где-то с полсекунды мне удавалось сдерживать злорадную улыбку, а потом Кесслер с силой ударил меня по лицу. Я рухнула на пол, глаза защипало от слез.

— Сука ненормальная! — рявкнул Кесслер и захлопнул дверь.

Оставалось надеяться, что, разозлившись на меня, он не заметит отсутствия ложки.

Я постаралась выждать время, на всякий случай. Час или, может, два. А потом достала ложку из-под своего тонкого поролонового матраса. Я отломала ручку — получился острый край — и повертела его в пальцах, примеряясь к пазу в шурупе.

Я подвинулась к стене и наклонилась к вентиляционному отверстию.

— Эй, ты тут?

Послышался мучительный скрип ржавых пружин — это Финн скатился со своей койки.

— Как раз собрался уходить. Тебе повезло, что ты меня застала.

Я прижала пальцы к холодной решетке вентиляции. Иногда трудно бывает поверить, что нас разделяет всего лишь фут бетона. Кажется, что Финн так далеко от меня!

Интересно, он тоже прикасается к стене со своей стороны и думает обо мне?

— Можешь спеть? — попросила я.

— Спеть?

— Пожалуйста!

— Ну ладно. — Финн удивился, но спорить не стал.

Он никогда не говорит «нет». — Что-то конкретное?

— На твое усмотрение.

Он затаил что-то похожее на церковные песнопения. Псалом, наверное. Я их впервые услышала, только когда уже все началось — когда мы пустились в бег, а наша старая жизнь осталась позади, как выхлопные газы, что тянулись за грузовиком, тайком вывозящим нас из города, — а Финн каждую неделю ходил с матерью в церковь. Ему это даже нравилось. Когда-то это меня поразило, хотя я уже не помню почему. Возможно, потому, что религия никогда не была частью моей жизни, или потому, что молитвы, проповеди и церковные обеды никак не вязались в моем сознании с тем Финном, которого я знала.

С Финном, которого, как я думала, знаю.

У него хороший голос — сильный тенор, напоминающий прикосновение прохладной хлопковой ткани к коже. А по виду и не скажешь. Ну, или не знаю, может, скажешь. Я уже несколько месяцев в глаза не видела Финна. Может, он выглядит совсем не так, как мне помнится.

Когда голос Финна, отразившись от стен из шлакоблоков, заполнил каждую щелочку и трещинку, я прижала острый край сломанной ложки к бетону. Я водила ею туда-сюда по шероховатой поверхности, медленно подтачивая пластик. Потом мои движения ускорились; шкрябанье ложки об пол сливалось с голосом Финна.

Несмотря на холод, стоявший в камере, от напряжения у меня на лбу выступил пот. Я остановилась и снова приложила ложку к шурупу. Все еще недостаточно тонко, но уже получше. Я снова принялась точить. Я так сжимала эту ложку, что у меня заболела рука. Это сработает. Я уверена.

Финн перестал петь, но я, увлеченная делом, едва заметила это.

- Эй, а что это ты там делаешь?
- Это сработает, — прошептала я себе.
- Что-что?

Я снова проверила ложку, и на этот раз подшлифованный край в точности совпал с пазом. Я сжала ее в кулаке, чувствуя, как во мне закипает кровь. Унылый голосок у меня в голове поинтересовался, чего я так прицепилась к этому дурацкому водостоку, но я еле слышала его сквозь шум крови в висках — она стучала, словно барабанщик, ведущий солдат в бой. Я начала поворачивать ложку, но шуруп не шелохнулся. Годы грязи, ржавчины и еще бог знает чего намертво закрепили его. Я налегла сильнее, пытаюсь заставить его сдвинуться с места; в конце концов пластик затрещал, угрожая лопнуть.

- Ну давай же, черт тебя побери!

Яхватила ложку у самого основания, как можно ближе к шурупу, и повернула. Шуруп взвизгнул и поддался. Я рассмеялась; легкое дуновение воздуха у меня

на губах показалось незнакомым, но чудесным. Победив один шуруп, я накинулась на второй, на третий... когда ложка оказывалась недостаточно быстрой, я царапала шурупы ногтями, пока не изранила пальцы в кровь. И в конце концов, когда решетку удерживали лишь несколько оборотов последнего шурупа, я ее выдернула.

Она очутилась в моих руках и превратилась вдруг в обычную тонкую железку. Я выронила ее, и она звякнула об пол.

— Эм, что происходит?

Теперь голос Финна звучал встревоженно, но мне некогда было беспокоиться об этом. Сток наконец-то открыт. Я запустила руку внутрь. Здравый смысл твердил, что я не найду там ничего, кроме холодной трубы, но что-то глубоко внутри меня шептало о... о чем? О предназначении? О судьбе? Еще о чём-то важном, во что я перестала верить много лет назад?

И это, шепчущее внутри, даже не удивилось, когда мои пальцы сомкнулись на странном предмете, спрятанном в сливе. Тело мое напряглось, а внутри словно взорвалось что-то буйное и радостное, как будто мои мышцы могли вместить в себя взрыв. Я вытащила находку на свет и принялась рассматривать.

Это был полиэтиленовый пакет для замороженных продуктов, старый, весь в пятнах от жесткой воды и плесени. Этот обыденный предмет будил воспоминания о бутербродах с арахисовым маслом, которые я вечно находила запрятанными в своей спортивной сумке, и казался вопиюще неуместным в моей крохотной тюремной камере. В пакете обнаружился единственный листок бумаги, белый в голубую полоску, совсем как те, на которых я писала в школе, с неровным краем, указывающим, что его вырвали из блокнота.

Дрожащими пальцами я открыла пакет. Внезапно мне стало страшно. Я знала, что в сливе прячется что-то важное, с того самого момента, как впервые увидела его. Это ненормально. В этом не может быть ничего хорошего.

Я достала листок и впервые рассмотрела его как следует. Камера вокруг меня превратилась в вакуум. Я попыталась вдохнуть и обнаружила, что не могу этого сделать, как будто весь воздух улетучился.

Листок был почти полностью исписан. Одни строчки были написаны ручкой, другие — карандашом. Верхние настолько поблекли от времени, что их трудно было прочитать, а нижние казались написанными недавно. Все предложения, кроме самого нижнего, были аккуратно перечеркнуты.

В самом верху, знакомыми заглавными печатными буквами было написано какое-то имя, а строчка внизу была темной и жирной, как будто писавший сильно надавливал на ручку.

Этим писавшим была я.

Я никогда в жизни не видела этого листочка, но почерк точно был мой: моя прописная «е» среди прочих печатных букв, моя наклонившаяся «к» и слишком тощая «а». Я опознала его нутром, как телефон, зазвонивший в другой комнате.

Меня затрясло. Здесь и сейчас, письмо, которого я совершенно не помнила, означало что-то очень странное.

Но последняя фраза заставила меня поковылять к туалету в углу камеры.

«Ты должна убить его».

ДВА | ЭМ

Меня выворачивало наизнанку до тех пор, пока до желудка не дошло наконец-то, что он уже пуст. Потом я прижалась лбом к холодной стене и вытерла рот рукавом.

«Ты должна убить его».

Даже закрыв глаза, я все равно видела эти слова. Их словно выжгло у меня внутри, но я не могла принять их. Должен существовать какой-нибудь другой способ. Я не настолько безжалостна.

Пока еще не настолько.

В дальнем конце коридора щелкнул замок двери. Кто-то шел сюда. Я выпрямилась и метнулась к сливу. Трудно сказать, что сделает доктор, если обнаружит, что я влезла туда — а уж если он увидит этот листок!..

От этой мысли кровь в моих жилах заледенела.

Неловкими руками, поспешно, я разломала ложку на несколько частей и сбросила их в сток. Я уже слышала стук тяжелых ботинок по цементу. Я прижала решетку к стоку и пристроила шурупы обратно, насколько это возможно было сделать, имея из инструментов лишь пальцы и ногти. Потом я подхватила полиэтиленовый пакетик и листок бумаги и кинулась на койку. Только я успела сунуть свою находку под матрас, как в окошке двери показалось лицо Кесслера.